

УДК 281.9
ББК 86.372
М52

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом
Русской Православной Церкви. Номер ИС Р16-601-0020*

В книге использованы фотографии *Евгения Германа* и *Тенгиза Тарба*

Выражаем сердечную благодарность братии Свято-Лукиановой мужской пустыни и лично иеромонаху *Никодиму (Пудовкину)*, *О.В. Косик* и *Дмитрию Трибушному* за предоставленные для этой книги материалы.

Монах Меркурий (Попов).

М52 Записки пустынножителя / Монах Меркурий (Попов); авт. предисл. А.Б. Рогозянский. – Москва : Эксмо : Православный Свято-Тихоновский Университет, 2016. – 592 с. : ил. – (Религия. Рассказы о духовной жизни).

ISBN 978-5-699-92966-5

ISBN 978-5-7429-0483-0 (ПСТГУ)

Эта книга — сжатая хроника почти тридцатичетырехлетней отшельнической жизни монаха-пустынника о. Меркурия (Михаила Попова, 1919—1996). Восемнадцатилетним юношей оказался он в колымских лагерях, освободившись через пятнадцать лет, вскоре скрылся в горах Абхазии, где уже нашли убежище ищущие отшельничества, гонимые, как и он сам, братья-пустынники. От его «Записок», издававшихся ранее в существенно измененном виде, невозможно оторваться: с первых же страниц погружаешься в удивительный мир отшельнического монашеского трудничества, сегодня мало кому знакомый даже по описаниям. Все, что рассказано в этой книге, происходило с ее автором в 60-х, 70-х и 80-х годах прошедшего века в горах недалеко от Сухуми. Здесь разворачивается удивительная история не только стойкой духовной, но и жестокой физической борьбы за выживание группы монахов и монахинь, избравших подвижнический путь. Текст книги издается по авторскому варианту, с самой небольшой необходимой правкой. В Приложении впервые публикуются несколько писем о. Меркурия разных лет к своему духовному сыну. Они наглядно подтверждают подлинность описанных автором в книге событий.

**УДК 281.9
ББК 86.372**

**ISBN 978-5-699-92966-5
ISBN 978-5-7429-0483-0 (ПСТГУ)**

**© Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет, редакция,
оформление, 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016**

РОСКОШЬ ЗЛОСТРАДАНИЙ

Об этой книге и ее авторе

О роскошестве злостраданий когда-то писал св. Григорий Богослов, вспоминая дни молодости и совместную их с другом Василием аскезу на просторах пустынной Малой Азии. И вот, по прошествии столетий, когда все изменилось до неузнаваемости, люди, близкие к нам по происхождению и обстоятельствам жизни, настойчиво ищут этот парадоксальный дар: изобилие трудностей и угроз.

Отвага это или упрямство? Политическое ли диссидентство, презрение к обществу и цивилизации, отсталость и нелюбимость? Искание ли чудес, обыкновенная ограниченность и фанатическая, доходящая до исступления увлеченность своей идеей? Ничто из этого и даже все, взятое вместе, не объяснит происходящего на страницах «Записок» монаха Меркурия (Попова), представленных в ней характеров, отношений и, главное, самого факта обобщения и оформления по прошествии десятилетий разрозненного материала в книгу.

В горах Абхазии пустынножители появились давно. Вероятно, были они здесь и в древнейшие времена, но нас будет интересовать более свежая история русских

отшельников-монахов, начиная со второй половины XIX в. В 1875 г. на абхазском побережье, на мысе, получившем название Новый Афон, по инициативе монахов русского афонского Свято-Пантелеимонова монастыря началось строительство большого Симоно-Кананитского монастыря. За 1880-е годы сюда перебралась значительная часть братии из Греции во главе со старцем Дисидерием. С Афона же было перенесено и характерное устройство, при котором часть монахов живет внутри монастырских стен, другие же расселяются по округе, в поселениях-пустыньках и обособленных келиях. По праздникам все сходятся в соборную монастырскую церковь.

Впоследствии от Нового Афона возникли самостоятельные ответвления: монастыри и скитские монашеские общины. В 1880 г. был основан Успенский Драндский монастырь, иначе называвшийся Второафонским. В обеих обителях к концу XIX в. насчитывалось до 800 монахов; количество пустынножителей, точно никем не учтенное, также исчислялось сотнями. Черета горных поселений из Абхазии тянулась дальше, в направлении Анапы и Новороссийска, по другим землям Северного Кавказа. Кроме пустынножителей имелись и пустынножительницы. Центрами притяжения для женских поселений служили два крупных женских монастыря: Моквский Успенский монастырь и Команский Василиско-Златоустовский монастырь.

Природные условия Абхазии благоприятствовали монашеской «колонизации». Климат и растительность здесь напоминали афонские. Даже в междугорьях, на полтора-двух тысячах метров над уровнем моря, процветало земледелие, позволявшее отшельникам добывать пропитание. Зимы со снежным покровом длились, как правило, всего 2—2,5 месяца, что создает неплохие условия для обитания в легких постройках. Немаловажно и то, что абхазское и грузинское население в этих краях в целом было миролюбиво

и доброжелательно к русским, чего не скажешь о других горских народах. Однако грузины и абхазы, прежде имевшие и своих молитвенников и аскетов, теперь не выказывали расположения к монашескому подвигу. Из 500 человек братьев на Новом Афоне в начале XX в. было всего двое абхазов; пустынножителство же в горах оставалось сплошь русским.

И, конечно, горы. «Огромные горы, — пишет один современный исследователь, — среди которых человек кажется таким ничтожно маленьким, молча взирающие на проносящиеся мимо них столетия, возникающие и бесследно исчезающие города, племена и целые государства — и ничто не оставляет на них следа. Абсолютное, с трудом понимаемое не испытанными его белое безмолвие горных вершин, и тут же покрытые густыми лесами огромные долины и ущелья без всяких признаков обитания человека, настоящие пустыни, где легко можно затеряться, уйти от мира».

Внимание к абхазскому отшельничеству возникло с выходом в 1907 г. книги схимонаха Илариона «На горах Кавказа». В ней содержались сведения об умной молитве, ее делателях и некоторые наставления, данные старцем Дисидерием. Книга вначале была хорошо принята, получила рекомендации оптинского старца о. Варсонофия и трижды переиздавалась. Но она же стала причиной возникшего богословского спора об имени Божиим и позже — монашеских волнений на обоих Афонах, Старом и Новом.

В 1913 г. появилось особое послание Синода, осуждающее книгу старца Илариона. Имяславчество признавалось опасной ересью, на последователей его накладывалось церковное запрещение. В 1915 г. еще одну книгу о кавказских отшельниках, но уже в жанре путевых записок, опубликовал Валентин Свенцицкий. Она называлась «Граждане неба» и популярно рассказывала о поездке автора на Кавказ, встречах с отшельниками, их взглядах и образе жизни. Спорные

вопросы в ней не затрагивались, отношение к пустынножительству было благожелательным. Этой книге, написанной по-светски, ярко и талантливо, была уготована иная судьба: она появилась в годы религиозных поисков в среде русской интеллигенции, сопровождавшихся пробудившимся интересом к древнему святоотеческому учению, к монашеству и аскетизму. В противоположность официальной, «парадной» церковности в строгости монашеской жизни, в аскезе стали находить квинтэссенцию и преемство восточнохристианской духовности. Неудивительно, что «Граждане неба» были восприняты почти как сочинение апологетическое. И хотя взгляд интеллигенции на умное делание нередко был окрашен романтическим мистицизмом, последние предреволюционные годы дали ощутимый толчок для развития пустынножительства, привели новую братию в абхазские монастыри и новых отшельников в высокогорные пустыни.

* * *

После 1917 г. горы Абхазии стали символом торжества веры и бессилия антицерковных преследований. Свободная жизнь христианского духа не замирала здесь все годы коммунистического правления. Аскеза дополнялась исповедническим подвигом. В 1924 г. власти закрыли Новый Афон, а за ним и Драндский монастырь. Множество монахов ушло на поселение в горы. В труднодоступных районах были основаны целые «монашеские республики». В легких постройках, в кельях, разбросанных по склонам гор на небольшом расстоянии друг от друга, могло проживать до двух сотен монахов или монахинь. Одно из крупнейших поселений располагалось в долине реки Псху.

Жестокие гонения начались в 1936–1937 гг. Специально сформированные отряды НКВД прочесывали горы, выявляли монашеские общины и отдельных монахов в городах

и селениях Абхазии и Грузии. Одних отшельников расстреливали на месте, других рассылали по тюрьмам, где большинство из них также ожидал смертный приговор по обвинению в контрреволюционной деятельности. Тщательность, с какой выкорчевывались остатки пустынножительства, наводила на мысль, что карательные органы были обеспокоены не количеством и влиянием монахов на местное население — уничтожалась сама память о подвижничестве как зримом проявлении совершенства и силы христианского духа.

По окончании массированных облав единицы, пройдя лагерь, сумели вернуться в абхазские горы. Среди них был схиеродиакон Исаакий, о котором в числе прочих повествует книга о. Меркурия. Достоверно известно, что свой монашеский путь о. Исаакий начинал в Драндском монастыре, после оказался сослан на Колыму, отбыл длительный срок на приисках и уже в преклонном возрасте вернулся на пустынножительство. Лагерный путь еще одного неназванного кавказского монаха (может быть, того же о. Исаакия, судя по упоминаемым колымским лагерям и золотым приискам), описан о. Меркурием в книге «Записки монаха-исповедника» (М., изд-во Московской Патриархии, 2001). Имеются сведения о чудом сохранившихся в труднодоступных местах поселениях пустынников, избежавших ареста. Таким образом, в Абхазии уцелела преемственность традиций отшельничества от старого времени и подвижников первой волны. Еще в 1960-х там подвизались дореволюционные постриженники: старец схи-монах Серафим из Верхних Барган, отошедший в возрасте 102 лет, монах Самон из Ново-Афонского монастыря и другие.

* * *

В правление Никиты Хрущева в СССР репрессии против Церкви и верующих возобновились с новым ожесточением. Один за другим, в массовом порядке закрывались храмы

и монастыри; неуклонно поступали требования о сокращении монастырских штатов, ограничении прописки иногородних. Иноки и послушники, оставшиеся вне стен обители, оказывались перед выбором: жить в миру на нелегальном положении гонимых или же скрыться в удаленных местах от преследований. Наличие на Кавказе тайной монашеской сети и опытных наставников сыграло в это время важную роль. В горах вновь возрастает число скитов и келий. Монашеские общины обосновываются в Цебельде, Азанте, Амткеле, Двуречии, Псху. Абхазия превращается в духовную столицу, в место расцвета молитвенной жизни, в центр притяжения в масштабах всей Русской Церкви.

Из упраздненных в 1961 году Глинской пустыни и Киево-Печерской лавры в Тбилиси и Сухуми на жительство переезжают и прославленные старцы: схиархимандрит Серафим (Романцов, † 1976), схиархимандрит Андроник (Лукаш, † 1974), и кое-кто из монахов. В Тбилиси, в храме Св. Александра Невского служит еще один глинский и драндский воспитанник, старец-епископ Зиновий (Мажуга, впоследствии митрополит Грузинской Церкви, в схиме Серафим, † 1985). Благодаря этому пустынножителю, на время оставляя тайные места своего отшельничества, получают необходимое наставническое руководство и внимание и доступную помощь верующих.

В пользу русских отшельников настроены также грузинские и абхазские священнослужители. Как пример, нынешний грузинский патриарх Илия II, принявший в свое время монашеский постриг у владыки Зиновия, а в 1967 г. ставший митрополитом Цхум-Абхазским, неизменно выказывал им свою любовь и покровительство.

Пустынничество в горах Абхазии имело огромное влияние на церковную жизнь в советской России. Многие верующие ехали на Кавказ за наставлением и советом, посещали монашеские скиты, окормлялись у отцов-отшель-

ников. Из тех, кто проникся духом кавказской пустыни, впоследствии вышло немало известных иерархов Русской Православной Церкви, настоятелей монастырей, священнослужителей, богословов и преподавателей духовных школ.

* * *

События, которые описаны в этой книге, относятся к самому яркому и близкому к нам периоду расцвета абхазского отшельничества — приблизительно с 1959 по 1968 гг. Повествование документально и автобиографично. В абхазских горах монаху Меркурию (Попову) довелось подвизаться больше 30 лет! За это время произошло множество встреч, разнообразных и интереснейших событий. Воистину живая летопись эпохи. Судьба, заслуживающая отдельного церковно-исторического рассмотрения...

В конце 1920-х, еще будучи мирянином, Михаил Попов был осужден на десять лет, пытался бежать, но неудачно, получил к сроку дополнительно еще шесть лет лагерей. После освобождения пришел в Троице-Сергиеву лавру, в конце 1950-х перебрался на Кавказ. По признанию собратьев, о. Меркурий был очень сильным человеком: ревностным, деятельным, житийски и в духовном отношении пронизательным, в одно и то же время внутренне сосредоточенным и открытым, не лишенным пытливости, порой даже по-детски непосредственно-го внимания к людям и к Божию творению. Все упомянутые качества, как в зеркале, отразились в тексте его «Записок», которые представляют собой более позднюю версию дневниковых записей, сделанных им в абхазских горах, работе над которыми он полностью посвятил последние годы жизни.

Свой жизненный путь о. Меркурий завершил в 1996 г. в Свято-Лукиановой пустыни близ Александрова. Но книги своей ему не суждено было увидеть: первое издание выходит в свет в том же 1996 г., незадолго до смерти автора.

* * *

Возвращаясь еще раз к фактической основе повествования, вкратце скажем о действующих лицах, скрытых под псевдонимами, но ставших благодаря некоторым обстоятельствам известными. Из авторского послесловия читатель узнаёт, что рассказ о Меркурия касается не вымышленных, а реальных людей. За годы, прошедшие после первого издания «Записок», появилось немало книг и публикаций, посвященных пустынножителем Кавказских гор. Это и воспоминания, и документальные свидетельства, позволяющие с достаточной точностью «раскрыть» прототипы персонажей повествования. «Больной брат» — это сотаинник и ученик митр. Зиновия (Мажуги) схиархимандрит Виталий (Сидоренко, † 1992), впоследствии прославленный тбилисский пастырь, наставник, начинавший еще в Глинской пустыни келейником о. Серафима (Романцова). О его роли в жизни Русской Церкви в Тбилиси, о его великом провидческом даре написано немало страниц. Назовем лишь книгу «О жизни схиархимандрита Виталия» (М., 2008); множество отдельных статей и жизнеописаний на православных интернет-порталах. Грузинская журналистка Х. Раквиашвили собрала и издала в Тбилиси несколько книг воспоминаний о нем (см.: <http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/72485.htm>). Сам автор с большой вероятностью скрывается в тексте под именем брата-пчеловода. Вполне документальны воспоминания об о. Исаакии, о. Онисифоре из села Георгиевского, долгожителе старце Серафиме, амткельском и латском женских монашеских поселениях. Личность схимонахини З., хотя и скрыта, имеет некоторые биографические привязки к событиям жизни одной престарелой схимонахини, проживающей при женском монастыре на Украине. В Амткельском междугорье в одно время вместе с уже упомянутыми пустынножителями жили схиархимандрит Феодосий По-

чаевский (Орлов, † 2005) и иеромонах Мардарий, в схиме Алексей (Данилов, † 2007). Среди героев книги иеромонах (в книге игумен) Анемподист (Васильев), оставивший после болезни пустынножительство и скончавшийся в 1975 году. Близко знаком с кавказским отшельничеством был архимандрит Рафаил (Карелин). В советское время он неоднократно бывал в горах Абхазии, будучи знаком с о. Виталием и с автором книги, о чем упоминал в своих воспоминаниях. В недавно опубликованных письмах о. Виталий (Сидоренко) дважды упоминает и будущего игумена Андрея (Машкова; 1925–1994), еще одного глинского постриженника, духовного чада старца Андроника (Лукаша), около пяти лет подвизавшегося в горах после закрытия Глинской пустыни в 1961 г. (*Трибушный Д.* «Любовь выше всего». К истории одной духовной традиции. Донецк, 2016).

Здесь же добавим, что двое монахов, скверно отнесившихся к «больному брату» — это иеродиакон Исаия (Коровай) и иеромонах Амвросий (Печенев); «ленивый брат» — схимонах Кассиан (Ермаков; по другим данным — Моржаков); «отец-основатель пустыни» — схимонах Василий (о нем вспоминает иеромонах Константин (Ковальчук): «В книге монаха Меркурия он назван "основателем пустыни", так как первый пришел на ту территорию. Там он жил в одной келии, и еще у него была другая келия, дальняя, которая находилась под самым Абхазским хребтом»).

Воспоминания и публикации принадлежат разным людям, чье мнение и чьи оценки не всегда совпадают с оценками и описанием о. Меркурия, а иногда и противоположны им. Это естественно: как любой человек, тем более в обстоятельствах опасной и тесно связанной с другими жизни, он не мог оставаться беспристрастным наблюдателем, отделиться от своих симпатий или антипатий. Вот, к примеру, как вспоминает о монахе Кассиане (Ермакове), прототипе

«брата-ленивца», архим. Рафаил (Карелин): «В пустыне на Барганах я встретился с двумя молодыми монахами Виталием и Кассианом. Духовным отцом их был схиархимандрит Серафим (Романцов), духовник Глинской обители. При общении с этими двумя монахами мне казалось, что передо мной встает картина из юности преподобного Сергия, когда они вместе с братом Стефаном строили келии в дремучем лесу. Монах Кассиан (тогда Всеволод) был неустанным тружеником. Обладая большой физической силой, он носил из города продукты для старых и немощных пустынников, обрабатывал им огороды, помогал заготавливать дрова и чинить келий, вторые особенно повреждались во время снегопада. Монахи в шутку называли его "директором пустыни". После смерти старцев, живших в пустыне, он остался самым старым насельником этого нерукотворного монастыря». Не наше дело судить, кто и в чем он был прав, а в чем — ошибался; интересующихся можем отослать к соответствующим публикациям: например, к книгам «Схиархимандрит Исаия (Коровай). Плач о духовной жизни» (Ч. 1. Киев, 2012; Ч. 2. Киев, 2013). Известны упомянутые выше воспоминания архимандрита Рафаила (Карелина) «На пути из времени в вечность» (Саратов, 2008). Некоторые сведения содержатся в книге «Глинская мозаика» монахини Варвары (Г.А. Пыльневой). Много интересного можно почерпнуть в воспоминаниях иеромонаха Константина (Ковальчука), поныне подвизающегося в пустыне: <http://пустынный.рф/stati/iz-besed-s-kavkazskim-pustynnikom/>.

* * *

Таковы основные сведения, освещающие предмет и обстоятельства составления рукописи и прототипы ее героев. Однако ценность «Записок» о Меркурия не ограничивается и не исчерпывается исторической достоверностью описан-

ных событий или фактов биографии отдельных персонажей, хотя она и несомненна; подвижничество и молитва, традиционные для восточного христианства, являются теперь одними из труднейших, может быть, наиболее трудных проблем.

Вполне очевидно, что «Записки», и уж тем более содержащиеся в них назидания и толкования разными лицами аскетического опыта древности, абсолютно документальны. Автор позволяет себе только легкую ретушь, да и то лишь местами и только исходя из задачи более точного осмысления пережитого, глубинного содержания происходивших событий и духовной пользы для читающего. Последнее принципиально и важно для нас. Апостол говорит: *духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2:15). Первое издание книги, предпринятое в 1996 г. издательством «Паломник» (позже не единожды переизданное), изобиловало редакторскими изъятиями и поправками и почему-то получило от публикаторов новое название: «В горах Кавказа», произвольно объединившее книгу о Меркурия с упомянутой уже книгой схимонаха Илариона «На горах Кавказа», вышедшей в 1907 г. и наделавшей много шума. Между тем в «Записках» о Меркурия нет и намек на имяславчество — нет ни переклички с книгой о. Илариона, ни ремарок по этому поводу. Сам о. Иларион и его книга упоминаются в тексте лишь однажды и то косвенно. Ее нет среди книг по умной молитве, которыми руководствовались амткельские пустынножители, в рассуждениях об опыте приобретения самодвижущейся молитвы ссылок на сочинения имяславцев и их учение также нет.

И все-таки можно понять осторожность, сквозившую во вступлении, которым игумен N*, публикатор, предварил

* Игумен Ефрем (Виноградов-Лакербая), в настоящее время — начальник одного из скитов Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.

это первое издание книги: обаяние и духовная сила текста так велики, что он счел необходимым остудить впечатление, предупредить стремление читателя сразу же испытать на себе аскетические молитвенные практики, искать в себе скрытые чрезвычайные способности и откровения. Труднее понять аргументацию. Так, игумен Н. настойчиво внушает, что самодвижущаяся Иисусова молитва, усвоенная героями «Записок», в действительности лишена благодатной основы. «Это некий навык почти исключительно механического свойства», — полагает он. Важнейший же из выводов его звучит как приговор: «Всякий, кто сегодня мечтает о пустынножительстве — обольщен мечтаниями бесовскими».

Лет пятнадцать назад для подобной категоричности, возможно, имелись основания: массовый приход новичков в Церковь и их увлечение необычной, чудесной, небесной стороной Православия, желание быстро и успешно продвинуться по пути духовного возрастания. Сегодняшнее прочтение «Записок» и отношение к подвигу кавказских пустынников иное. И не только потому, что пришло понимание высоты жизни и подвига тех, с кем довелось подвизаться в горах Абхазии монаху Меркурию. Повторим еще раз, что подлинные имена большинства действующих лиц нетрудно установить; можно также проследить их связи с выдающимися наставниками и иерархами того времени, прямую преемственность школы молитвы от старчества Глинской пустыни. Это опровергает мнение о якобы самостоятельном характере отшельнического движения Абхазии и Грузии 1950–1970-х годов. Вполне ясные свидетельства остались и о самом авторе: по слову схииеромандрита Феодосия (Орлова), о. Меркурий овладел высокими ступенями умной молитвы. Дело еще и в том, что за эти годы духовно выросла, стала более подготовленной и сама молодая православная аудитория.

Это последнее обстоятельство и несомненная значимость «Записок» о Меркурия для понимания сущности пустынножизненной жизни и ее неотрывной связи с древнеправославной аскетической традицией стали основанием для нашей публикации, представляющей текст с самой минимальной редакторской правкой (погрешности стиля и некоторые повторы не позволили вовсе ее избежать).

* * *

Напомним, о Меркурий уходит из жизни почти одновременно с выходом в свет его «Записок», спустя 30 лет отшельнических скитаний и нескольких лет, проведенных на покое. Большой жизненный круг замкнулся. Заканчивая многотрудный земной путь, подвижник получает возможность вместе с Богоприимцем вздохнуть: «Ныне отпускаеши...», — и по апостольскому примеру повторить строку: *Подвигом добрым аз подвизахся, течение соверших, веру соблюдох* (2 Тим. 4:7).

Книга его учит без поучений. Этим она и необычна: в ней нет наставлений от лица преуспевшего, достигшего определенного совершенства и стоящего на неприступной высоте, но есть пример ученичества, ревности о совершенстве, который и читателя побуждает сопереживать и стремиться если не к совершенству, что мало реалистично, то хотя бы к самоусовершенствованию.

Отличительная черта «Записок» — отсутствие «чуждести», акцента на сверхъестественном, на особой прозорливости, озарениях и т. п. Лишь труд и терпение, терпение и труд. Если судить по тому, как автор описывает пустынножительство, его можно смело назвать реалистом, человеком, не лишенным практичности и организационной сметки. Отправиться на жительство в пустыню, в далекие горы не означает для него воспарить от земли, но, напротив, подъять бремя тяжелых трудов и забот. Заметим:

обустройству пасеки и многокилометровым переходам с рюкзаком за плечами в книге отводится места не меньше, чем собственно духовным занятиям.

Пустынножительский реализм, однако же, не совпадает с мирским. Мир созидает свои удобства, а горы — свои. В отшельничестве на долю человека выпадают одни тяготы, в миру же — другие. Мир, общество, город словно нарочно настроены удовлетворять переменчивым и рассеянным, постоянно ищущим обновления ощущениям человека. Напротив, душе сосредоточенной и смиренной практичными и даже драгоценными представляются уединение и скудость условий. Это может казаться парадоксальным, но духовный человек уходит туда, где проще, и делает то, что прямее и естественнее всего. «Подвигом» и «парадоксом» такой выбор называют со стороны. Сам же молитвенник без напряжения и пафосности соединяет две части в одно, говоря о роскошестве злостраданий.

По этой же причине — различия «двух реализмов» — неискушенный читатель не все из описанного в книге может понять и принять. Недоумение рождают многие аспекты отшельнического быта и взаимоотношений: черствость и эгоизм брата-ленивца (вспомним, впрочем, о возможной небезпристрастности автора); двуличие бывшего уголовника, ставшего иеромонахом; покладистость, даже трусость и замешательство братии перед угрозами «темнолицего»... Шокирует своими подробностями и одна из последних историй — нечеловеческие страдания послушника Василия, жестокость и натурализм которых, кажется, колеблют сами основания отшельнического идеала. Однако не будем забывать, что о событиях, происшедших с Василием, мы узнаем в пересказе лица, бывшего их непосредственным свидетелем и участником, которому никакие, самые неожиданные и тяжелые происшествя, не дают повода для растерянности, не вызывают болезненной рефлексии, не влияют на решимость продолжать свой подвиг.